

Врачебная дѣятельность священника и пастырское дѣло.

Общепризнанный фактъ, что и до настоящаго времени у насъ, особенно въ селахъ и деревняхъ, чувствуется сильный недостатокъ въ медицинской помощи. Съ точки зрѣнія этого факта едвали кто можетъ и будетъ возражать противъ пользы и желательности врачебной дѣятельности пастыря, главнымъ образомъ, разумѣется, сельскаго. Другое дѣло, если вопросъ о пользѣ и желательности медицинской практики священника будетъ разсматриваться съ точки зрѣнія спеціально пастырскихъ интересовъ. Здѣсь, съ этой точки зрѣнія вполне возможно и отрицательное рѣшеніе упомянутаго вопроса. Говорили, говорятъ и будутъ говорить, что врачебная дѣятельность священнослужителя, давая, можетъ быть, ему возможность принести нѣкоторую физическую пользу своимъ прихожанамъ, въ тоже время отвлекаетъ его отъ надлежащаго исполненія главной его обязанности—духовнаго воспитанія пасомыхъ—и въ силу этого должна быть признана отнюдь не полезной, а вредной и нежелательной. Но основаніе, на которомъ утверждается этотъ неблагоприятный приговоръ о пастырской медицинской практикѣ (мысль о несомѣстности ея съ прямымъ долгомъ священника), кажется намъ ложнымъ. Читателю предлагается судить, правы ли мы, доказывая ниже, что медицинская дѣятельность священника не только не вредитъ, но приноситъ положительную пользу пастырскому дѣлу.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что главное условіе, безъ котораго невозможно надлежащее прохожденіе высокаго и труднаго пастырскаго служенія, это—наличность призванія священника къ своему дѣлу. Пастырь безъ призванія—въ лучшемъ случаѣ наемникъ, чиновникъ, и между такимъ пасты-

ремь и паствой не можетъ быть тѣснаго духовнаго единенія по образу союза мужа и жены, Христа и Церкви,—союза, необходимо имѣющаго мѣсто у всякаго истиннаго пастыря стада Христова.

Если теперь съ точки зрѣнія необходимости для пастыря призванія къ своему дѣлу мы посмотримъ на врачебную дѣятельность священника, послѣдняя окажется только полезной. Это потому, что она развиваетъ и подкрѣпляетъ въ пастырѣ упомянутое призваніе, которое мы назвали главнымъ условіемъ успѣшной пастырской дѣятельности.

Подъ призваніемъ къ священству мы разумѣемъ непреодолимое влеченіе къ пастырскому служенію по побужденіямъ горячей и самоотверженно-дѣятельной любви къ Богу и ближнимъ. Но врачебная дѣятельность священника и развиваетъ и подкрѣпляетъ въ немъ такое влеченіе, поскольку воспитываетъ любовь его къ Богу и ближнимъ. Послѣднее положеніе, впрочемъ, нуждается въ доказательствахъ, которыя мы сейчасъ и представимъ.

Врачебная дѣятельность священника возбуждаетъ и подкрѣпляетъ въ немъ любовь къ ближнему. Это прежде всего и выше всякаго сомнѣнія. Пастырѣ, удѣляющій время и силы на лѣченіе физическихъ недуговъ своей паствы, болѣе, чѣмъ пастырѣ, чуждый этого дѣла, видитъ человѣческихъ страданій, горя и слезъ. Но видѣть больше страданій, горя и слезъ тоже, что больше сострадать, иначе—больше любить. Затѣмъ пастырѣ—врачъ входитъ въ болѣе частое и тѣсное соприкосновеніе со своей паствой, чѣмъ священникъ, не подающій врачебной помощи прихожанамъ. А послѣдствія этого болѣе частаго и тѣснаго соприкосновенія священника съ приходомъ очень важны и благодѣтельны. Подробно объ этомъ намъ придется говорить ниже; пока-же замѣтимъ вообще, что, благодаря болѣе частому и тѣсному соприкосновенію съ пасомыми, священникъ—врачъ скорѣе, шире и глубже, не только съ внутренней, но и съ внѣшней стороны изучаетъ послѣднихъ, — изучаетъ часто въ самыхъ интимныхъ подробностяхъ ихъ внѣшняго быта и душевной жизни, съ полной откровенностью разоблачаемыхъ ему болѣзнию. Въ результатъ приобрѣтеннаго такимъ образомъ болѣе широкаго и болѣе глубокаго знакомства съ паствой и человѣкомъ вообще пастырѣ—врачъ прежде и лучше, чѣмъ

не занимающійся медицинскою практикою священникъ, научается понимать каждаго своего прихожанина со всѣми его достоинствами и недостатками, — понимать и по настоящему цѣнить первыя и снисходительно извинять вторыя. Но приобрести эту драгоценную способность отдавать дань уваженія достоинствамъ человѣка и прощать его недостатки значить опять таки научиться любить ближняго. Впрочемъ, не одними указанными способами врачебная практика священника воспитываетъ въ немъ любовь къ ближнему. Своимъ леченіемъ пастырь оказываетъ прихожанамъ, можетъ быть, и небольшую, во всякомъ случаѣ вполне осязательную и видимую пользу. Но извѣстно, что такая польза, въ силу этой своей осязательности, цѣнится всегда очень высоко и часто много выше невещественной, духовной помощи. А разъ такъ, вполне понятно, что прихожане, по естественному чувству благодарности, питаютъ къ пастырю — врачу большее расположеніе и любовь ¹⁾, чѣмъ къ священнику, не прилагающему попеченія объ ихъ тѣлесномъ здоровьѣ. Но чѣмъ больше прихожане любятъ своего священника и доказываютъ эту любовь на дѣлѣ, — истинная любовь всегда такова, — тѣмъ болѣе и пастырь, въ свою очередь, будетъ любить ихъ. Еще разъ, сгало быть, врачебная дѣятельность священника является причиной любви его къ ближнему.

Но отсюда слѣдуетъ далѣе, что она воспитываетъ въ немъ и любовь къ Богу. Священное Писаніе любовь къ ближнему поставляетъ признакомъ и условіемъ любви къ Богу. Поэтому, все, что воспитываетъ первую (въ данномъ случаѣ врачебная дѣятельность священника), въ то же время и тѣмъ самымъ порождаетъ и вторую, какъ и наоборотъ. Помимо этого отвлеченнаго (впрочемъ, на психологической почвѣ) доказательства, мы можемъ привести и чисто-психологическое обоснованіе той истины, что врачебная дѣятельность священника воспитываетъ въ немъ любовь къ Богу. Какъ мы сказали, врачебная дѣятельность скорѣе и болѣе открываетъ священнику глаза на бездну человѣческихъ страданій. Отсюда, естественно, возникаютъ въ немъ, возрастая одно

¹⁾ П. И. Казанскій. „Правда-ли, что наше духовенство не хочетъ и не умѣетъ учить народъ“? М. 1882. Стр. 50—51. Здѣсь приведено нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ высказанное нами положеніе.

рядомъ съ другимъ, желаніе облегчить возможно больше этихъ страданій и сознаніе своей личной слабости и безпомощности. Но въ этомъ желаніи и особенно въ этомъ сознаніи залогъ живой вѣры въ Бога и, слѣдовательно, любви къ Нему. Дѣлаемъ такое заключеніе, съ одной стороны, потому, что вѣрить во всесовершеннаго Помощника въ человѣческихъ скорбяхъ и страданіяхъ—вмѣстѣ и любить Его, съ другой—потому, что вѣрующій на каждомъ, можно сказать, шагѣ видитъ проявленія любви Творца и Промыслителя къ страждущему человечеству и самъ необходимо отвѣчаетъ Ему любовью.

Сказанное, думаемъ, достаточно убѣждаетъ въ томъ, что врачевная дѣятельность священника, воспитывая въ немъ любовь къ Богу и ближнему, дѣйствительно развиваетъ и подкрѣпляетъ его призваніе къ пастырскому дѣлу и уже по одному этому должна быть названа полезной для послѣдняго.

Такою же она должна быть названа, далѣе, и потому, что много помогаетъ священнику при исполненіи частныхъ обязанностей его званія — учительства, руководительства пасомыхъ и священнослуженія.

Скажемъ сначала о томъ, какимъ образомъ врачевная дѣятельность способствуетъ пастырю въ дѣлѣ учительства и религіозно-нравственнаго руководства пасомыхъ.

Первое условіе успѣха всякаго дѣятеля состоитъ въ томъ, чтобы онъ смотрѣлъ на дѣло, которое занимаетъ его, какъ на дѣло совѣсти, чтобы онъ любилъ его, чтобы вкладывалъ въ него, какъ говорятъ, свою душу. Указанное условіе примѣнимо и къ пастырю и къ нему даже больше, чѣмъ ко всякому другому общественному дѣятелю, насколько его служеніе выше и труднѣе всѣхъ другихъ человѣческихъ служеній. Сопоставляя это со сказаннымъ нами о благотворномъ вліяніи пастырской медицинскон практики на воспитаніе въ священникѣ любви къ Богу и ближнему и, слѣд., призванія къ своему дѣлу, мы рѣшаемся утверждать, что пастырь — медикъ скорѣе и легче, чѣмъ пастырь, неприкосновенный ко врачевной дѣятельности, можетъ вложить душу въ свое неизмѣримо-высокое, но столько же и трудное дѣло. Мы говорили, что пастырю — врачу болѣе, чѣмъ его собрату, ограничивающемуся однимъ духовнымъ

врачеваніемъ пасомыхъ, извѣстны и болѣе имъ чувствуются неизмѣримыя человѣческія страданія. И въ интересахъ простаго спокойствія совѣсти ему всё данныя вложить „душу живу“ въ свое дѣло. Вдобавокъ, подавая прихожанамъ осязательную медицинскую помощь и тѣмъ посильно облегчая ихъ тѣлесныя недуги, пастырь нѣсколько освобождается отъ невольнаго, но неотразимаго и глубоко-мучительнаго для всякой чуткой совѣсти чувства отвѣтственности за чужія страданія. И ужъ, конечно, у него не вырвутся такія, дышащія отчаяньемъ, слова, какія мы читаемъ въ письмѣ священника, выводимаго въ одномъ изъ романовъ современнаго беллетриста г. Потапенко: „...Люди гибнутъ ни за что, особенно младенцы. И отъ пустого гибнутъ; чувствуешь, что отъ пустого, а подать помощь не можешь по невѣжеству своему. И зачѣмъ это учили насъ въ семинаріи всякой греческой и латинской мудрости? лучше бы научили врачевнымъ свѣдѣніямъ“¹⁾. А спокойствіе духа, проистекающее изъ сознанія небылоутильности своихъ трудовъ, совершенно необходимо священнику: безъ него послѣдній, какъ и всякій общественный дѣятель, лишень существеннаго побужденія къ неустанной работѣ на общее благо. Не распространяемся уже о высшихъ побужденіяхъ къ такой работѣ, которыя заключаются въ любви къ Богу и ближнему, всегда, какъ доказано, болѣе способной къ развитію у священника, занимающагося врачевной практикой.

Любовь къ своему дѣлу мы назвали главнымъ условіемъ успѣха каждаго пастыря. Но, знача такъ много для успѣшнаго пастырскаго служенія, она не составляетъ еще здѣсь всего. Помимо любви къ своему дѣлу, для успѣха послѣдняго пастырю необходимо имѣть и достаточный жизненный опытъ, т. е. широкое и глубокое знакомство съ внутренней и внѣшней жизнью, достоинствами и недостатками своихъ прихожанъ, равно какъ знаніе средствъ религіозно-нравственнаго ихъ воспитанія. Но это знакомство и это знаніе пастырю—медику опять-таки дается скорѣе и легче, чѣмъ его собрату — духовному врачу исключительно. Мы говорили, что первому чаще и ближе, чѣмъ послѣднему, при-

1) „Живая жизнь“. Р. въ 3-хъ частяхъ. „Мірѣ Божій“. 1897. Июль.

дета входить въ сношенія со своими прихожанами. Отсюда, какъ сказано уже, опъ приобрѣтетъ болѣе скорое, широкое и глубокое знакомство съ ихъ душевнымъ состояніемъ и условіями ихъ внѣшней обстановки.

Раскроемъ эту общую мысль въ ея частностяхъ.

Пастырь—врачъ,—благодаря тому, что ему придется чаще споситься со своими прихожанами и захватывать ихъ внезапно, видѣть, такъ сказать, изнанку ихъ духовной жизни,—скорѣе и лучше познакомится съ общимъ міровоззрѣніемъ пасомыхъ, со степенью ихъ развитія, увидитъ воочію тѣ суевѣрія и предрасудки, которымъ донынѣ платитъ щедрую дань малообразованный русскій народъ.

Знакомясь съ общимъ умственнымъ развитіемъ прихожанъ, пастырь — врачъ преимущественное свое вниманіе (не только намѣренно, но и невольно, поскольку болѣзнь наиболѣе обнаруживаетъ святая святыхъ человѣческой души) обратитъ на религіозныя воззрѣнія народа. Опъ ясно увидитъ, какъ народъ, храня непоколебимую вѣрность православной вѣрѣ и правильно постигая духъ религіи любви, въ то же время часто не имѣетъ сознательнаго понятія о самыхъ существенныхъ догматахъ христіанства и одержимъ различными суевѣріями и предрасудками въ отношеніи религіи, начиная съ узкаго, обрядоваго пониманія служенія Богу.

Особенно широко и подробно,—несравненно шире и подробнѣе, чѣмъ священникъ, не занимающійся врачеваніемъ, своихъ прихожанъ,—пастырь — врачъ ознакомится съ той, до сихъ поръ весьма широкой и распространенной, областью народныхъ заблужденій и суевѣрій, на когорой основывается такъ наз. народная медицина. Эта медицина имѣетъ подъ собой почву не только невѣжества, но и прямого изычства, и сколько поддерживается ими, столько же, въ свою очередь, поддерживаетъ ихъ. Въ виду особенно послѣдняго обстоятельства долгъ всякаго истиннаго пастыря, ревнующаго о благѣ прихода, всѣми возможными мѣрами бороться противъ народной медицины и ея представителей—разныхъ знахарей и знахарокъ, колдуновъ и колдуній, заговорщиковъ, ворожей, бабъ —шептухъ и пр. Но, чтобы бороться съ ней, надо напередъ хорошо изучить ее, эту народную медицину. Возможно ли достигнуть этого обычному священнику? Нѣтъ. Представители народной медицины да и самъ народъ, часто

находящій въ нихъ единственныхъ помощниковъ въ своихъ болѣзняхъ, естественно всячески скрываютъ свое домашнее лѣченье отъ постороннихъ наблюдателей. Другое дѣло относительно священника, занимающагося врачебной практикой. Даже при незначительныхъ медицинскихъ свѣдѣніяхъ онъ съ успѣхомъ замѣнитъ доморощенныхъ приходскихъ лѣкарей. Когда народъ, такимъ образомъ, увидитъ, что онъ ничего не потеряетъ, отказавшись отъ услугъ послѣднихъ и обратившись къ помощи пастыря, онъ охотно раскроетъ послѣднему ту сѣть заблужденій и суевѣрій, въ которой держали его непривзванные врачи. И эта откровенность народа со священникомъ—врачемъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе народъ убѣдится въ сравнительномъ достоинствѣ лѣченья „батюшки“ и въ необходимости указанной откровенности для успѣха этого лѣченья.

Мало того. Очень возможно, что пастырю—врачу, представляющему въ деревнѣ часто единственную медицинскую помощь, удастся, не въ примѣръ его собрату, не занимающемуся лѣченьемъ пасомыхъ, войти въ соприкосновеніе даже съ раскольниками и сектантами прихода, изучить ихъ заблужденія и—кто знаетъ?—обратить ихъ въ лоно православной Церкви. Вѣдь, недовѣріе и вражда къ православію и его служителямъ очень часто основывается у раскольниковъ и сектантовъ на совершенномъ незнакомствѣ съ тѣмъ и другими. Но стоитъ имъ хотя разъ, хотя невольно открыть глаза на истину, и послѣдняя возьметъ свое. Дѣло, стало быть, въ томъ, чтобы представить раскольникамъ и сектантамъ случай, который заставилъ бы ихъ открыть глаза на истину. Такой случай и можетъ всего скорѣе и легче дать врачебная практика священника. При томъ самая дѣятельная и живая любовь пастыря—врача, обнаруживаемая имъ при лѣченьѣ заблуждающихся, трогаетъ и смягчаетъ ихъ сердца, являясь черезъ то новымъ основаніемъ мисіонерскаго успѣха.

Скорѣе, шире и глубже пастырь—медикъ можетъ ознакомиться и съ нравственнымъ состояніемъ прихожанъ, съ ихъ достоинствами и недостатками. Самое болѣе частое соприкосновеніе съ приходомъ много помогаетъ ему въ этомъ отношеніи, но особенно то, что больной и добровольно, въ интересахъ собственнаго исцѣленія, и невольно, въ мень-

шей степени обладая присущей здоровому человѣку способностью и склонностью скрывать свои душевныя движенія, всегда скорѣе и лучше знакомить священника со своимъ нравственнымъ состояніемъ. Тѣже самыя условія и въ томъ-же самомъ отношеніи вліяютъ болѣе или менѣе и на окружающихъ больного. Между тѣмъ,—объ этомъ никакъ нельзя забывать,—больные и окружающіе ихъ часто находятся въ самомъ опасномъ нравственномъ состояніи,—близки къ отчаянію,—и въ тоже время болѣе, чѣмъ когда-либо, воспріимчивы къ пастырскому воздѣйствію, потому что нуждаются въ немъ.

Еще, можетъ быть, полезнѣе будетъ священнику врачеванная практика въ дѣлѣ изученія внѣшней жизни прихода. Занимаясь лѣченіемъ прихожанъ, пастырь будетъ заставлять ихъ въ самой естественной, будничной обстановкѣ, которой ему не увидать при богослужебныхъ хожденіяхъ по домамъ, когда всякій, даже самый бѣдный, прихожанинъ, уже по одному чувству благоговѣнія къ святынь и уваженію къ пастырскому сану, стремится представить свою внѣшнюю жизнь въ наиболѣе приглядномъ видѣ. Это въ связи съ тѣмъ, что священнику-врачу прихожанинъ всегда легче и откровеннѣе выскажется относительно своей внѣшней жизни, излагая исторію своей болѣзни, даетъ такому священнику болѣе скорое и основательное знакомство со внѣшнимъ бытомъ прихода, чѣмъ то, какое можетъ приобрести пастырь, неприкосновенный къ медицинской практикѣ. А чѣмъ скорѣе и лучше изучитъ священникъ внѣшній бытъ паствы, тѣмъ легче и правнѣе поставитъ онъ необходимый діагнозъ ея духовныхъ болѣзней.

Такъ болѣе частое и тѣсное соприкосновеніе пастыря—врача съ прихожанами дѣйствительно приводитъ его къ болѣе скорому, широкому и глубокому знакомству съ паствой. Отсюда естественно ожидать, что его проповѣдь и руководство пасомыми будутъ жизннѣе и плодотворнѣе, чѣмъ у священника, который чуждъ дѣятельныхъ заботъ о тѣлесномъ здоровьѣ своихъ прихожанъ. Больше данныхъ предполагать, что не отвлеченныя соображенія, а живая жизнь будутъ указывать ему, въ отношеніи какихъ истинъ и добродѣтелей ученіе и руководство пасомыхъ составляетъ его святой долгъ, отъ какихъ заблужденій и пороковъ долженъ

онъ предостеречь и предохранить своихъ духовныхъ овецъ. Болѣе вѣроятно, что слова пастыря будутъ теперь падать на ниву живыхъ сердецъ; болѣе вѣроятно, что руководство пастыря будетъ теперь для жизни прихода естественнымъ устраненіемъ ея плевель и возвращеніемъ ея добрыхъ сѣмянъ. Прибавлять-ли къ этому, что и средства и мѣры религіозно-правственнаго воспитанія прихожанъ у пастыря—врача будутъ болѣе испытаны указаніями опыта и вѣрнѣе будутъ достигать своей цѣли, чѣмъ у пастыря, не оказывающаго врачебной помощи своимъ пасомымъ? И ужь, конечно, пастырь—врачъ скорѣе послѣдняго приобрѣтетъ необходимый опытъ относительно этихъ мѣръ и средствъ.

Впрочемъ, самая его медицинская практика является однимъ изъ лучшихъ средствъ этого рода. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, что эта практика, въ корнѣ подрывая народную вѣру въ доморощеную медицину и ея представителей, въ значительной степени освобождаетъ народъ отъ власти заблужденій и суевѣрій полуязыческаго характера, на которой обосновывается эта медицина и довѣріе къ ней народа. Важное само по себѣ, это духовное освобожденіе народа отъ власти тьмы особенно важно въ собственныхъ пастырскихъ интересахъ, поскольку оно дѣлаетъ народныя души почвой, болѣе чистой отъ плевель лжи и порока и потому болѣе способной къ принятію въ себя добрыхъ сѣмянъ пастырскаго ученія. Не говоримъ о происходящемъ отсюда-же большемъ довѣрїи народа къ настоящей, патентованной медицинѣ, которой онъ и донинѣ, къ сожалѣнію, боится и чуждается.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о пользѣ врачебной практики священника для его спеціального служенія, поскольку она дѣлаетъ пастыря болѣе способнымъ къ учительству и руководству пасомыхъ. Но этимъ польза ея не исчерпывается: въ интересахъ пастырскаго служенія удѣлять время и силы медицинской практикѣ и потому, что она и самихъ прихожанъ можетъ сдѣлать болѣе восприимчивыми къ доброму пастырскому воздѣйствію, — болѣе внимательными къ пастырскому ученію и болѣе послушными пастырскому руководству.

Извѣстно, что влѣдствіе разныхъ исторически сложившихся неблагоприятныхъ условій нашъ народъ не всегда

благосклонно относится къ пастырскимъ посѣщеніямъ. Взглядъ на корыстные побужденія пастырскихъ посѣщеній такъ укоренился въ нашемъ народѣ, что совѣстливый и деликатный священникъ, особенно изъ молодыхъ, часто по одному этому избѣгаетъ, кромѣ совершенно необходимыхъ случаевъ, входить въ жилища своихъ прихожанъ и черезъ то лишается возможности исполнить заповѣдь апостола: *проповѣдуй слово, стой во время и не во время...* (2 Тим. 4, 2). И пастырю обычнаго типа трудно бороться съ вѣковымъ предубѣжденіемъ народа противъ пастырскихъ посѣщеній. Ему трудно подыскать вполнѣ естественный въ глазахъ прихожанъ поводъ къ посѣщенію ихъ домовъ. Другое дѣло относительно священника — врача. Мотивъ его пастырскихъ посѣщеній очевиденъ и не можетъ возбуждать никакихъ подозрѣній въ прихожанахъ. Естественно, что двери приходскихъ домовъ легко и широко открываются для такого священника. Но разъ это случилось, поколеблено вѣковое предубѣжденіе противъ пастырскихъ посѣщеній, обезпечена и впродъ возможность постоянныхъ и тѣсныхъ отношеній священника съ приходомъ и болѣе широкое и сильное вліяніе на него со стороны пастыря. И прихожане тѣмъ охотнѣе поддадутся этому вліянію, что та помощь, которую получаютъ они отъ священника — врача, отличается отмѣченнымъ нами характеромъ видимости, осязательности, почему, — говорили мы, — по естественному чувству благодарности, порождаетъ въ нихъ большее уваженіе и любовь въ отношеніи къ пастырю. Благоговѣйное почитаніе, оказываемое христіанами святымъ, прославившимся на поприщѣ исцѣленія человѣческихъ болѣзней, лучше всего доказываетъ естественность и необходимость особеннаго уваженія и любви прихожанъ къ священнику — врачу. И любовь эта тѣмъ сильнѣе разгорается въ сердцахъ прихожанъ, что пастырь — медикъ, подвергаясь при исполненіи добровольчо принятаго на себя врачебнаго дѣла опасностямъ болѣзни и смерти, является въ глазахъ пасомыхъ образцомъ самоотверженной христіанской любви. Не останавливаемся уже съ особеннымъ вниманіемъ на томъ, что польза, приносимая пастыремъ — медикомъ, полнѣе, чѣмъ та, которую приносить приходу священникъ, довольствующійся врачеваніемъ однѣхъ духовныхъ болѣзней. Какъ

важно пастырю заботиться и о внѣшнихъ нуждахъ прихожанъ, слѣд. и объ ихъ тѣлесномъ здоровьѣ, свидѣтельствуешь св. Григорій Двоесловъ. „Нельзя одобрить“,—говоритъ онъ въ своемъ „Правилѣ пастырскомъ“,— „... тѣхъ пастырей, которые посвящаютъ свои занятія исключительно однимъ духовнымъ предметамъ, такъ что внѣшнія нужды паствы для нихъ какъ бы не существуютъ... Пасомые, не видя въ нихъ сочувствія къ своимъ нуждамъ, остаются, въ свою очередь, равнодушны и къ нимъ, пренебрегая большею частью ихъ пастырскими наставленіями, хотя въ существѣ своемъ и полезными, но слабо дѣйствующими на сердца ихъ, мало къ тому подготовленныя и удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей не привлеченныя. Выслушивая изъ устъ ихъ обличенія своего невѣжества и своихъ проступковъ, но не видя существеннаго состраданія къ своимъ немощамъ и нуждамъ настоящей жизни, они не охотно слушаютъ ихъ духовныя бесѣды, а еще меньше выполняютъ то, что имъ внушается въ нихъ. Для нуждающихся въ вещественныхъ благахъ недѣйствительны бываютъ уроки такого учителя, который не подаетъ имъ руки помощи въ претерпѣваемыхъ ими нуждахъ и не привлекаетъ къ себѣ милосердіемъ. Сѣмя слова Божія легко проникаетъ въ сердца ихъ, возрастаетъ и даетъ плоды только тогда, когда проповѣдникъ орошаетъ и поливаетъ его сострадательнымъ милосердіемъ къ нимъ. Поэтому, пастырямъ необходимо заботиться и о невинныхъ средствахъ къ процвѣтанію внѣшняго благосостоянія членовъ своихъ паствъ“¹⁾, значитъ и о тѣлесномъ ихъ здоровьѣ. И только въ этомъ случаѣ пастыръ можетъ, необинуясь, положительно отвѣтить, подобно апостолу, на вопросъ своей совѣсти: *кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ* (2 Кор. 11, 29)? только въ этомъ случаѣ онъ можетъ быть названъ истиннымъ пастыремъ,— „отцомъ“ своихъ пасомыхъ.

Доказавъ такимъ образомъ, что пастырская медицинская практика воспитываетъ въ прихожанахъ большее уваженіе и любовь къ священнику, мы тѣмъ самымъ доказали, что она способствуетъ его благотворному религіозно-нравствен-

— — — — —

¹⁾ Цитата взята у *С. И. Покровскаго*. „Духовный пастыръ по ученію св. Отцевъ“. Тула. 1892. Стр. 93—94.

ному на нихъ вліянію. Уважая и любя своего священника, прихожане считаютъ долгомъ совѣсти внимательно прислушиваться къ его словамъ и точно исполнять его руководственные совѣты, т. е. совершенствоваться въ религіозно-нравственномъ отношеніи. И это совершенствованіе дается имъ тѣмъ легче, что собственная самоотверженная любовь священника, проявляемая имъ въ дѣлѣ врачеванія больныхъ, увеличиваетъ и оправдываетъ значеніе его словъ и совѣтовъ и дѣлаетъ ихъ удобоисполнимѣе въ глазахъ прихожанъ. Справедливость высказанной мысли о добромъ вліяніи врачевной дѣятельности проповѣдника на успѣхъ его собственного дѣла подтверждаетъ то, что и за Христомъ Спасителемъ (Лук. 8, 1—3 и др.), равно какъ за апостолами, многіе послѣдовали прежде всего потому, что получили отъ нихъ облегченіе и исцѣленіе своихъ болѣзней. Извѣстная трогательная исторія католическаго миссіонера патера Даміана представляетъ доказательство той же мысли. Поэтому-же, конечно, и одинъ опытный русскій пастырь говоритъ: „мы не знаемъ могущественнѣе средства (послѣ евангелія) обращать къ христіанству некрещенныхъ, какъ это средство“¹⁾, т. е. пастырская врачевная практика. Если-же мы припомнимъ, наконецъ, старую истину, что *mens sana in corpore sano*, что тѣлесное оздоровленіе прихода необходимо вліяетъ и на его нравственное оздоровленіе,—поскольку немощное, болѣзненное тѣло является препятствіемъ для дѣятельности тѣсно связаннаго съ нимъ бодрого духа (Мѡ. 26, 41; Мр. 14, 38),—то доказываемая польза медицинской дѣятельности пастыря для его спеціального дѣла учительства и руководства душъ станетъ и совершенно несомнѣвной. И это особенно въ отношеніи къ нашимъ пастырямъ, потому что болѣзни, главнымъ образомъ вслѣдствіе невѣжества и бѣдности, составляютъ одно изъ самыхъ распространенныхъ и глубокихъ несчастій громаднаго большинства русскаго народа, въ частности крестьянства.

Обращаясь теперь къ богослужебной дѣятельности священника, мы видимъ, что и ея надлежащее исполненіе облегчается врачевной практикой пастыря.

¹⁾ Прот. *Е. Поповъ*. „Письма по правосл.—пастыр. богословію“. Часть 3. Изд. 2. Пермь. 1877. Стр. 167.

Начать хотя бы съ того, что эта практика, какъ мы доказывали въ своемъ мѣстѣ, укрѣпляетъ и углубляетъ въ священникѣ высокое религіозное настроеніе, безъ котораго совсѣмъ невозможно настоящее выполненіе пастырской обязанности священнослуженія. Полезная для всякаго священнослуженія вообще, врачебная дѣятельность приноситъ пользу священнику и при отправленіи многихъ отдѣльныхъ службъ, въ особенности требъ. И прежде всего медицинскія свѣдѣнія могутъ оказаться полезными священнику по отношенію къ таинству крещенія въ томъ, напр., случаѣ, когда возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ-ли спѣшить крещеніемъ извѣстнаго слабого младенца, или отложить совершеніе надъ нимъ святаго таинства. Еще больше можетъ принести пользы священнику его врачебная дѣятельность при совершеніи таинства исповѣди, особенно надъ больными и умирающими. Болѣе полное знакомство съ исповѣдникомъ, со стороны не только внутренней, но и внѣшней его жизни, даетъ возможность духовнику-врачу правильнѣе оцѣнить степень виновности кающагося въ совершенныхъ имъ грѣхахъ: такой духовникъ будетъ знать, что именно слѣдуетъ отнести на счетъ злой воли грѣшника, и что можно до извѣстной степени извинить ему, какъ дань немощной плоти и внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни. Небезполезными могутъ оказаться священнику медицинскія свѣдѣнія и въ отношеніи пріобщенія и елеопомазанія больныхъ. Пастырь-врачъ можетъ, напр., при совершеніи того и другого таинства привести въ чувство лишившагося сознанія, можетъ прекратить извѣстными ему средствами рвоту у больнаго, желающаго принять Св. Тайны. Случаи, въ которыхъ польза медицинскихъ познаній для священника не подлежитъ сомнѣнію! Знакомый съ состояніемъ здоровья пасомыхъ, пастырь-медикъ можетъ, затѣмъ, предупреждать браки опасно больныхъ прихожанъ и т. д.

Приведенныхъ примѣровъ, пожалуй, и достаточно для нашей цѣли. Остается прибавить, что и сами прихожане у священника врача скорѣе и болѣе способны вынести пользы изъ церковныхъ службъ. Это хотя бы по одному тому, что у нихъ, какъ и у ихъ пастыря, по сказанному выше, болѣе данныхъ быть истинно-религіозными и истинно-правственными. Недаромъ говоритъ народная пословица: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“.

Все изложенное, надѣмся, въ корнѣ подрываетъ мнѣніе, что врачевная дѣятельность священника вредитъ прямымъ пастырскимъ интересамъ. Тѣмъ болѣе несправедливымъ представляется теперь утвержденіе, будто упомянутая дѣятельность унижаетъ высокій и святой пастырскій санъ. Допустимъ, однако, на минуту, что это такъ, что медицинская практика дѣйствительно вредна и унижительно для священника. Почему же Спаситель нашъ явился на землю во всеоружіи цѣлительной силы? Почему и апостоловъ, посылая на проповѣдь, Онъ въ избыткѣ надѣлилъ этой силой? Почему въ притчѣ о милосердномъ самаряннинѣ Онъ отнесся съ явнымъ упрекомъ къ священнику и левиту, отказавшимъ во врачевной помощи, естественномъ дѣлѣ любви, поцавшемуся разбойникамъ? Почему между прочимъ и посѣщеніе или не посѣщеніе больныхъ, разумѣется съ цѣлью облегченія ихъ страданій, рѣшаетъ, по Его слову, участь человѣка на страшномъ судѣ? Въ концѣ концовъ, стало быть, врачевную дѣятельность священника должно назвать не иначе, какъ полезной, и только полезной, даже въ интересахъ спеціально-пастырскаго дѣла. Но если такъ, нужно-бы всячески поощрять занятія нашихъ пастырей медициной и давать имъ всѣ средства для этого. Первымъ и главнымъ изъ этихъ средствъ было бы введеніе въ семинарскій курсъ преподаванія элементарныхъ свѣдѣній по медицинѣ. И если предполагаемое преобразование духовныхъ семинарій осуществитъ неудавшуюся реформѣ 40-хъ годовъ попытку въ этомъ родѣ, оно сдѣлаетъ только доброе дѣло,—доброе въ интересахъ, прежде всего, самаго пастырства.

Впрочемъ, настаивая на пользѣ врачевной практики священника для его спеціально го дѣла, мы далеко отъ смыли и желанія видѣть въ нашихъ пастыряхъ врачей-спеціалистовъ и до нѣкоторой степени замѣнить ими послѣднихъ. Нѣтъ, безъ ущерба для собственнаго своего дѣла пастырю никогда не обратиться въ профессиональнаго медика, что, впрочемъ, отъ него и не требуется. Съ него достаточно элементарныхъ свѣдѣній въ области врачевной науки, необходимыхъ для лѣченія наиболѣе распространенныхъ среди простонародья легкихъ болѣзней и для предупрежденія и ослабленія болѣзней серьезныхъ. Вѣдь, вооруженный и такими свѣдѣніями, онъ можетъ принести большую пользу

въ нашемъ отечествѣ, гдѣ такъ много болѣзней и такъ мало даже наиболѣе необходимой первоначальной врачебной помощи, что народъ иногда питаетъ къ настоящей медицинѣ непобѣдимое недовѣріе, а порою паническій страхъ. Тѣмъ болѣе достаточно священнику этихъ элементарныхъ свѣдѣній, чтобы принести ту пользу своему спеціальному дѣлу, о которой мы говорили.
